

ИСТОРИЯ

Д. О. Серов

POLIZEISTAAT ПЕТРА I: УРАЛЬСКОЕ ПРЕТВОРЕНИЕ

Размышления о монографии Д. А. Редина «Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ»

Рассматривается исследование Д. А. Редина, посвященное организации и развитию государственного аппарата на Урале в 1-й четверти XVIII в. Всесторонне анализируются представленные автором монографии принципы комплектования корпуса государственных служащих, особенности их духовного и морального облика, специфика общественного статуса чиновников, традиции их взаимодействия друг с другом и с подведомственным населением.

История любой власти являет собой двуединство внутренней и внешней сторон. Внешняя сторона истории власти — это история ее формальной организации, история государственных органов: их возникновения, развития, деятельности как системы. Выражаясь аллегорически, это история строительства здания государства.

Внутренняя история власти — это история персонального состава государственного аппарата. Эта сторона истории власти особенно многоаспектна: она охватывает принципы комплектования корпуса государственных служащих, особенности их духовного и морального облика, специфику общественного статуса чиновников, традиции их взаимодействия друг с другом и с подведомственным населением. Иными словами, это история власти в человеческом измерении, история жизнеустройства строителей и постоянных обитателей здания государства.

Соответственно сосредоточенность ученого автора на изучении какой-либо одной из отмеченных сторон истории власти неизбежно ведет к односторонности, заведомой неполноте его изысканий (вполне допустимой, впрочем, ныне и в исто-

рической, и в историко-правовой науках). Вышедшая в свет монография Д. А. Редина [2007] лишена этой односторонности. Автор подробно рассмотрел как развитие организации государственного аппарата на Урале на протяжении 1710—1720-х гг., так и социальный и нравственный облик тогдашнего уральского чиновничества. Благодаря таковой конструкции исследования на страницах монографии образовалась своеобразная историографическая голограмма — многомерное изображение описываемого явления. Исследование Д. А. Редина явилось неоспоримо значимым вкладом в дело изучения отечественного прошлого XVIII в. Достойно продолжив историографическую традицию, образованную работами П. Н. Мрочек-Дроздовского и П. Н. Милюкова, М. М. Богословского и Ю. В. Готье, К. Петерсона и Е. В. Анисимова, автор подготовил фундаментальный труд об осуществлении административных преобразований Петра I в Уральском регионе. По ходу изысканий по теме монографии Д. А. Редина довелось вступить в область научной «целины»: уральский материал остался совершенно вне поля внимания его предшественников, историков и правоведов XIX — начала XXI в., обращавшихся к проблеме реформирования государственного аппарата России в первой четверти XVIII в.

Двигаясь по этой «целине», Д. А. Редина освоил колоссальный массив архивных источников, что позволило ему высветить многие прежде неизведанные сюжеты уральской истории 1710—1720-х гг. Но ценность новоизданной монографии видится не только во внушительной сумме впервые установленных Д. А. Рединым исторических фактов. Никак не менее важно и то, каким образом Д. А. Редина сумел выстроить конструкцию исследования, подойти к изучению составившей основное содержание монографии и с т о р и и в л а с т и (точнее, истории той части механизма Российского государства, которая функционировала на Урале в 1711—1727 гг.).

Переходя от общих суждений к более конкретным наблюдениям по содержанию монографии, необходимо прежде всего отметить совершенную справедливость исходного тезиса Д. А. Редина о том, что сейчас пришло время «перестать рассматривать Россию как некий монолит и обратиться к России как к стране регионального многообразия, стране региональных специфик» [Редина, 2007, 10]¹. В этом отношении труд Д. А. Редина может послужить образцом для подготовки аналогичных исследований и по другим регионам нашей страны, поскольку административные преобразования Петра I оказались изучены к настоящему времени — и то далеко не систематически — применительно лишь к Северо-Западу, Юго-Западу да к Сибири.

К числу безусловных достоинств монографии нельзя не отнести классически фундаментальный обзор литературы по теме исследования (36—120). Не менее содержательна (несмотря на относительную компактность) и характеристика источниковой основы работы (120—137). Здесь следует особо отметить выработан-

¹ Далее ссылки на монографию даются с указанием страниц цитируемой книги в круглых скобках.

ные Д. А. Рединым новаторские подходы к анализу делопроизводства государственных органов и учреждений, направленные на выявление скрытой информации (128—131). В частности, заслуживает внимания предложенная Д. А. Рединым методика интерпретации данных, содержащихся в журналах входящей и исходящей корреспонденции. Использование этой методики позволило автору монографии с воистину уникальной полнотой воссоздать как объем, так и фактические направления деятельности изучаемых органов власти.

Наконец, хотелось бы выразить полную солидарность с позицией Д. А. Редина касательно источниковедческой специфики нормативно-правовых актов XVIII в., в которых регламентировались устройство и функционирование государственного аппарата. По глубоко справедливому мнению Д. А. Редина, названные акты отражают лишь идеальные «намерения законодателя» (131). В самом деле, столь нередкое доныне в исследованиях по истории государственного строительства привлечение одних только нормативных источников, сведения которых не подкрепляются материалами административной и судебной практики, неизбежно ведет к формированию далеких от действительности представлений о развитии государственных институтов прошлых веков.

Внешней истории власти на Урале в первой трети XVIII в. оказались посвящены главы 2 и 3, а также часть главы 4 рецензируемой монографии (138—353, 484—501). В этом обширном разделе Д. А. Редина всесторонне охарактеризовал систему органов как общего, так и специального управления регионом — в их взаимодействии — на протяжении 1711—1727 гг. В главе 2 особенно интересен сюжет о таком не изучавшемся до настоящего времени учреждении 1710-х гг., как канцелярия Сибирской губернии в Москве (153—162). Совершенно обоснованно звучит вывод автора о том, что в ходе преобразований местных административных органов 1710-х гг. низовое звено государственного аппарата на Урале не подверглось никаким реальным изменениям, что «местная практика усвоила лишь несколько новых административных терминов... не наполнив их новым содержанием» (209).

Весьма удачно обрисовал Д. А. Редина картину выстраивания на Урале вертикали горно-заводского управления, ключевую роль в чем сыграл бывший начальник Олонецких заводов генерал-майор В. И. Генин, направленный Петром I на Урал в 1722 г. (262—315). Здесь автор со всей убедительностью показал конструктивность приложения к формированию отраслевых управленческих структур одного из принципов концепции камерализма, а именно принципа последовательной специализации органов управления. Вполне можно согласиться (с одной оговоркой, которая будет приведена ниже) с выводом автора монографии о том, что «уникальное совпадение теоретических камералистских установок, юридических норм и практической целесообразности... привело к изумительной устойчивости региональной горной администрации, которая пережила творца второй областной реформы...» (314).

В рамках сюжета о становлении системы горно-заводского управления на Урале Д. А. Редина тщательно проанализировал и многообразные аспекты деятельно-

сти посланца Петра I в регионе В. И. Геннина. Вполне обоснованными выглядят как вывод автора о том, что Вилим Геннин был командирован на Урал как глава «чрезвычайной центральной комиссии», так и вывод о том, что генерал настолько широко трактовал свои полномочия, что вел себя по отношению к представителям местной администрации как «поновластный губернатор» (276, 286). Особенной заслугой Д. А. Редина следует признать то, что он сумел четко разграничить теснейше переплетавшиеся на практике в 1720-е гг. компетенции Сибирского обербергамта и личной канцелярии В. И. Геннина (277—278).

Ярко осветил Д. А. Редин и остававшуюся прежде в забвении историю о принявшем острые формы межведомственном конфликте между В. И. Генниным и Тобольским надворным судом, вызванном попыткой генерала пресечь преступную деятельность ряда должностных лиц местных органов управления, не находящихся в его подчинении (289—306, 311—313). Если рассматривать данную ситуацию через призму истории судостроительства, то можно констатировать, что на Урале в 1723—1724 гг. произошло уникальное по масштабам (для России петровского времени) столкновение систем судов общей и специальной юрисдикции. Наконец, нельзя не упомянуть о выявленных Д. А. Рединым крайне интересных сведениях о предложении В. И. Геннина 1723 г. организовать в Тобольске представительство Преображенского приказа для оперативного разбирательства возникших в Сибирской губернии дел по «слову и делу» (281—282).

К числу достоинств рецензируемой монографии с полным основанием можно отнести подробное освещение вопроса об образовании на Урале в 1720-е гг. низших административно-территориальных единиц — дистриктов (315—353). Логичной и внутренне непротиворечивой выглядит предложенная Д. А. Рединым классификация гражданских дистриктов: 1) дистрикт/уезд, 2) слободской дистрикт, 3) горно-заводской дистрикт. Заодно автор монографии добавил в историю второй губернской реформы весьма колоритный штрих: как установил Д. А. Редин, несмотря на то, что Тюменский уезд был де-юре (распоряжением Тобольской губернской канцелярии от 10 октября 1721 г.) разделен на два дистрикта, в действительности продолжил существовать единый Тюменский дистрикт во главе с прежним воеводой (328—331).

Примечательные данные собрал Д. А. Редин и касательно бюджетного финансирования в 1711—1727 гг. размещенных на Урале органов общего и специального управления (481—501). Как продемонстрировал автор, жалование основной части государственных служащих было тогда низким, а его выплата осуществлялась на практике нестабильно и не в полном объеме. В этой связи вполне убедительно звучит вывод о том, что «система материального вознаграждения “статских” служащих не сумела стать реальным фактором внешней экономической мотивации их труда...» (501).

Что касается внутренней истории власти на Урале в 1710—1720-е гг., то этой тематике Д. А. Редин посвятил значительную часть главы 4 и полностью главу 5 монографии (392—484, 502—575). Здесь прежде всего следует отметить, что Д. А. Редин собрал исчерпывающие сведения о личном составе органов власти на

Урале в описываемый период (392—437). В этом разделе монографии приведены как интереснейшие персональные данные (особенно о лицах, занимавших воеводско-комендантско-ландратские и дьяческие должности), так и примечательные данные о штатной численности служащих в различных уральских административных и судебных структурах в 1711—1727 гг. Весьма любопытны выкладки автора монографии о сложившемся в ту пору количественном соотношении государственных служащих региона с подведомственным населением (431—437).

Не могут не привлечь внимания и полученные Д. А. Рединым уникальные сведения об исполнительской дисциплине уральских администраторов 1710—1720-х гг. (443—456). Особенно впечатляют данные (кстати, бесспорно репрезентативные), выявленные Д. А. Рединым по земской конторе Арамильского дистрикта. Как удалось установить автору монографии, за 1722 г. конторой не было исполнено 63 % (!) полученных указов и распоряжений (450). Вместе с тем трудно не согласиться с его выводом о том, что проблема здесь заключалась не только в недостаточной компетентности служащих, но и в их малочисленности, что при резко возросшем с конца 1710-х гг. объеме документооборота «поставило работу государственных учреждений на грань невозможного» (459).

Коснулся Д. А. Редин и такой возникшей в ходе проведения коллежской и второй губернской реформ проблемы, как острый дефицит служилого персонала. Продолжив линию М. М. Богословского, впервые обозначившего и отчасти осветившего эту проблему [Богословский, 1902, 272—275], автор монографии привел (впервые на уральском материале) колоритные подробности тогдашней борьбы различных органов общего и специального управления за канцелярских служащих (481—484). В свете изложенных фактов обоснованным выглядит резюмирующее суждение Д. А. Редина о том, что «распыление скудных канцелярских ресурсов... приводило к ослаблению управленческого потенциала как в регионе в целом, так и в отдельных его учреждениях» (484).

Нельзя, наконец, не отметить, что Д. А. Редин остановился — хотя и бегло — на малоизученной проблеме профессиональной подготовленности государственных служащих первой трети XVIII в. (456—459). В частности, автор справедливо указал на отсутствие в описываемый период каких бы то ни было квалификационных требований в отношении руководящих должностных лиц местных органов власти. По образному выражению Д. А. Редина, в те времена «понятие “заобыкновенности” или “заобычайности” к делу... к руководящему составу не относилось» (457).

Д. А. Редин поставил и целостно раскрыл тонкий и своеобразный вопрос об уровне потребления тогдашними уральскими чиновниками продуктов питания, что являлось не только важной стороной их образа жизни, но и существенным неформальным показателем их социального статуса (502—518). Естественно, что в 1710—1720-е гг. обеспечивать высокие запросы государственных служащих регионального звена относительно качества и разнообразия продуктового рациона при отмеченной выше скудости их жалованья возможно было только за счет поборов с подведомственного населения. В этой связи представляется резонным мне-

ние Д. А. Редина о том, что представители уральской администрации, «лишенные возможности обеспечивать свои продовольственные потребности за счет крепостных собственных поместий, воспроизвели подобие оброчной системы на территории подчиненных им дистриктов и слобод» (517).

Примечательны наблюдения Д. А. Редина об особенностях бюрократической среды, существовавшей в Уральском регионе в первой трети XVIII в. (518—522). Вполне убедительными выглядят суждения автора монографии об однородности, стабильности данной среды, о свойственном ей высокому уровню внутрикорпоративной солидарности. В частности, трудно не согласиться с его точкой зрения, что десятилетиями бессменно работавшие на Урале представители воеводско-комендантско-ландратского корпуса располагали возможностью установить прочные лично-патрональные связи не только между собой, но и с «основным приказным контингентом, достаточно компактным и сидевшим по своим приказным избам так долго, что всех его более или менее значимых представителей можно было знать буквально в лицо» (519).

Повышенный интерес не может не вызвать раздел рецензируемой монографии, посвященный анализу состояния должностной преступности на Урале в 1711—1727 гг. (522—575). Здесь весьма уместным выглядит подготовленное Д. А. Рединым систематическое обозрение законодательства Петра I о преступлениях против интересов службы (557—561). Кроме того, автор сумел не только установить структуру и масштабы теневых доходов уральского чиновничества эпохи Петровских реформ, но и предпринял попытку реконструировать субъективные воззрения тогдашних администраторов на преступную деятельность, направленную против интересов службы.

Благодаря такому комплексному подходу Д. А. Редина воссоздал яркую картину массового нарушения законности в Уральском регионе в 1710—1720-е гг., допускавшегося представителями всех звеньев государственного аппарата, которые при этом вовсе не воспринимали свою деятельность как противоправную. Так, интереснейшие данные автор извлек из введенной им в научный оборот расходной книги тюменского оброчного старосты за 1717 г., в которой оказались зафиксированы также и все мирские подношения (денежные и продуктовые) местному воеводе и подьячим (535—547). Нельзя обойти упоминанием и такой новооткрытый Д. А. Рединым многообразно примечательный источник, как адресованное В. И. Геннину послание подвергнувшегося уголовному преследованию комиссара И. В. Аврамова от февраля 1723 г., содержащее любопытные самооправдательные трактовки его преступных деяний (564—567).

Стоит добавить, что не вызывает возражений мнение автора монографии об итоговой «малоэффективности» усилий руководства страны 1710—1720-х гг., направленных на противодействие взяточничеству (562). Представляется также резонным соображение Д. А. Редина о том, что тогдашняя верховная власть «сама же провоцировала нарушения законодательства... в первую очередь тем, что не обеспечивала чиновников необходимым жалованьем, одновременно возлагая на них все больший объем работ и большую ответственность» (562).

Без сомнения удачно выстроено венчающее монографию Заключение, положения которого строго соотнесены с материалом, изложенным в основном тексте (576—590). Здесь хотелось бы выделить несколько тезисов автора. Во-первых, совершенно обоснованным представляется суждение Д. А. Редина о том, что составивший уникальную специфику системы органов власти на Урале 1711—1727 гг. аппарат горно-заводского управления, не будучи предусмотрен в планах II губернской реформы, во многом «сложился на основе объективных потребностей и административной инициативы снизу» (579).

Во-вторых, справедливой выглядит точка зрения автора о глубоком различии между исходным замыслом II губернской реформы и его воплощением в действительности. По верному замечанию Д. А. Редина, предпринятые верховной властью в 1710—1720-е гг. опыты по реорганизации местного управления «демонстрируют скорее успехи в развитии идей о государственном строительстве на основе камералистских принципов, нежели успехи в реальном их воплощении» (585). Наконец, в-третьих, убедительным видится вывод автора о высокой степени устойчивости традиционной воеводской системы управления, которая, несмотря на все преобразовательные меры Петра I, «продолжала эволюционировать по своим законам... лишь внешне, формально... приспособляясь к требованиям реформатора» (588).

Таковы вкратце позитивные впечатления, сложившиеся при ознакомлении с монографией Д. А. Редина «Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ». Вместе с тем, при очевидном доминировании достоинств, рецензируемый труд оказался не лишен и некоторых — впрочем, заведомо малосущественных — недостатков, спорных моментов и неточностей. Что касается обзора литературы, то здесь можно обратить внимание на явственную затянутость характеристики стародавних, подготовленных еще в 1840—1850-е гг. работ К. Д. Кавелина, К. А. Неволина и Ф. М. Дмитриева (42—61).

В противоположность этому рассмотрению диссертационной монографии М. М. Богословского [1902], принципиально важной для избранной Д. А. Редина темы, оказалось уделено куда меньше внимания (79—81). Рассмотрению же другой важной статьи М. М. Богословского («Исследования по истории местного управления при Петре Великом» [Богословский, 1903]) Д. А. Редин посвятил и вовсе несколько абзацев (81—82). Перечислив в обзоре — и обоснованно высоко оценив — историко-правовые работы Г. Н. Анпилогова 1940—1950-х гг. (103), Д. А. Редин отчего-то не упомянул о наиболее ранней (и весьма небезынтересной) статье названного автора «Сенат при Петре I» [Анпилогов, 1941].

Наконец, нельзя не упомянуть и о вкравшихся в обзор литературы терминологических неточностях, а именно об упоминаниях (без надлежащего авторского комментария) о «разделении властей» и о «судебной власти» при Петре I (45). Между тем, как общепринято ныне считать в государственно-правовой науке, о разделении властей как о принципе государственного устройства допустимо вести речь лишь при складывании такой совокупности условий, как наличие гражданского общества, многоукладной экономики, последовательно реализуемого режи-

ма законности [Разделение властей, 2004, 419]. Говорить о наличии подобных условий в России петровского времени, разумеется, не приходится.

Трактую же проблему судебной власти, необходимо иметь в виду, что система судебных органов и судебная власть — понятия не тождественные [Судебная власть, 2003, 13] и что построение самой разветвленной судебной системы еще не означает формирования в стране судебной власти. Образование ветви судебной власти возможно в первую очередь при утверждении самостоятельности и независимости суда [см.: Бородин, Кудрявцев, 2001, 23—24], что было также невыполнимо в России XVIII в. Если о чем и можно вести речь применительно к 1710—1720-м гг., так это, думается, только о попытке Петра I обеспечить функциональное и структурное обособление органов правосудия от органов управления (что являлось лишь начальным шагом на пути к независимости суда и о чем подробнее будет сказано ниже).

В отношении источниковой основы рецензируемого труда следует констатировать некоторую ее односторонность, обусловленную приоритетной сосредоточенностью Д. А. Редина на работе с документацией местных органов и учреждений первой трети XVIII в. Однако для полнообъемного раскрытия избранной автором темы не менее продуктивным могло бы стать и более широкое обращение к делопроизводству центральных и высших органов власти России изучаемого периода. В данном случае, не вдаваясь в архивоведческие дебри, хотелось бы особо отметить компактно отложившиеся в собрании фонда 248 Российского государственного архива древних актов материалы указного и протокольного делопроизводства Правительствующего сената за 1719—1725 гг.² Соответствующие единицы хранения, несмотря на образцовую сохранность, остались до настоящего времени (судя даже по листам использования) почти невостребованными со стороны исследователей.

Отмеченные материалы — это, во-первых, записные (копийные) книги указов, постановлений, приговоров и решений Сената³ за 1719—1722 гг. (кн. 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1889), а во-вторых, протоколы заседаний Сената за 1722—1724 гг. (кн. 1888, 1922, 1935). В-третьих, к характеризваемым материалам относятся единицы хранения, содержащие распределенные по месяцам по д л и н н и к и указов, постановлений, приговоров и решений Сената: за 1723 г. (кн. 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1918, 1919, 1920, 1921), за 1724 г. (кн. 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931, 1932, 1933, 1934), за 1725 г. (кн. 1937, 1939, 1940, 1941, 1942, 1943, 1944, 1945, 1946, 1947, 1948, 1949). Замыкают подборку две единицы хранения: подлинники с е к р е т н ы х указов, постановлений и приговоров Сената за 1724—1725 гг. (кн. 1936, 1938).

Вышеотмеченные материалы являют собой уникальную призму, позволяющую увидеть во множестве деталей функционирование государственного аппарата на-

² В составе фонда 248 РГАДА отложились аналогичные материалы и за многие последующие годы.

³ Здесь и далее акты, издававшиеся Сенатом и иными органами власти XVIII в., именуются в соответствии с современной терминологией.

шей страны в конце 1710-х — первой половине 1720-х гг. Применительно к уральской тематике следует в первую очередь иметь в виду, что в тогдашнем указном делопроизводстве Сената исчерпывающе отразились сведения о назначениях и перемещениях широкого круга руководящих должностных лиц регионального уровня — от глав губернской администрации до старших канцелярских служащих (дьяков и секретарей). К примеру, из Записной книги сенатских указов 1719 г. можно видеть, что полковник И. В. Воронежский был назначен вятским провинциальным воеводой не распоряжением губернатора и не в ноябре 1719 г., как полагал Д. А. Редин (233), а сенатским указом от 22 августа 1719 г. [РГАДА, ф. 248, кн. 1882, л. 162 об.].

Обращение к записным книгам сенатских указов позволяет также с точностью установить весьма расплывчато обозначенное Д. А. Рединым время пребывания во главе Соликамской провинции стольника С. Т. Клокачева (193). Как явствует из Записных книг 1719 и 1720 гг., будучи определен соликамским воеводой сенатским указом от 22 сентября 1719 г., Степан Клокачев состоял в этой должности де-юре до 8 марта 1720 г., когда — по сенатскому же указу — получил назначение судьей в Санкт-Петербургский надворный суд [Там же, л. 162; кн. 1886, л. 49]. Наконец, здесь нельзя обойти упоминанием и не затронутый Д. А. Рединым (и вообще в литературе) сюжет о чуть было не состоявшемся в 1723 г. назначении сибирским губернатором тогдашнего обер-прокурора Синода И. В. Болтина.

Согласно протокольной записи, на заседании Сената 30 октября 1723 г. Петр I высказался между иного о том, чтобы «полковнику и обер-прокурору Болтину в Сибири быть губернатором, и о том сказать ему указ...» [Там же, кн. 1922, л. 292 об.]. Это вроде бы четко выраженное повеление императора не получило, однако, окончательного оформления. По неясной донныне причине указ об определении Ивана Болтина главой сибирской администрации так и не появился⁴.

Из ряда иных малозначительных недочетов рецензируемой монографии имеет смысл отметить совершенную необоснованность разделения Д. А. Рединым «ландрихтеров 1707—1713 гг.» и более поздних «ландрихтеров — судебных чиновников» (156). В действительности же начавший системно формироваться в 1709 г. институт отечественных ландрихтеров был несомненно единым (в литературе, кстати, это вполне убедительно показано в не учтенных Д. А. Рединым труде Р. Виттрама и особенно в недавней статье Н. А. Комолова [см.: Wittram, 1964, 102—103; Комолов, 2002]). Если кого и можно формально взаимоотноделать, так это, ду-

⁴ Уместно добавить, что повторно вопрос о направлении И. В. Болтина на службу в Сибирь возник в 1725 г., правда, в совершенно ином контексте, в связи с открывшейся причастностью синодского обер-прокурора к делу Феодосия Яновского. Как раз в составе упомянутой Книги секретных указов Сената 1725 г. отложились два изданных по этому поводу именных указа: от 11 мая 1725 г. о ссылке Ивана Болтина в Сибирь с назначением на должность по усмотрению губернатора, и от 7 июня 1725 г., в котором, напротив, предписывалось не определять Ивана Васильевича ни к каким делам [РГАДА, ф. 248, кн. 1938, л. 88—89, 119—119 об.]. В итоге И. В. Болтин занял-таки пост сибирского вице-губернатора (одновременно с освобождением из ссылки) — по именному указу от 12 мая 1727 г. [Протоколы, журналы, 1888, 508].

мается, ландрихтеров 1709—1718 гг. — губернских чиновников, обремененных весьма разнородными функциями, и обер-ландрихтеров 1719—1722 гг. — представителей впервые возникшего в России судейского корпуса, глав немногочисленных провинциальных судов.

Специально остановившись на характеристике нормативной основы второй губернской реформы (215—226), Д. А. Редин отчего-то не упомянул закон от 19 декабря 1718 г. об укреплении инстанционности в судопроизводстве (при всем том, что названный акт легко доступен для исследователей, поскольку дважды публиковался даже в советское время [Законодательные акты, 1945, 377—379; Памятники права, 1961, 62—64]). Между тем закон от 19 декабря 1718 г. имел принципиально важное значение как для реорганизации судоустройства, так и для преобразования местного управления. Дело в том, что именно в законе от 19 декабря 1718 г. (разрабатывавшемся, кстати, при активном личном участии Петра I) оказались заложены основы структурного обособления судебных органов от административных, и в первую очередь на региональном уровне⁵.

В свою очередь, функциональное обособление органов правосудия от органов управления было закреплено законодателем в Инструкции (или Наказе) воеводам и в Инструкции (или Наказе) земским комиссарам, утвержденных в январе 1719 г. Здесь вызывает недоумение то обстоятельство, что, подробно рассмотрев положения обеих Инструкций (221—226), автор ни словом не обмолвился об их шведских источниках. А ведь вопрос о происхождении названных Инструкций 1719 г. был подробно освещен в диссертации К. Петерсона «Административная и судебная реформы Петра Великого. Шведские образцы и процесс их адаптации», успешно защищенной на юридическом факультете Стокгольмского университета еще в ноябре 1979 г. и изданной в том же году в виде монографии.

Уместно вспомнить, что, как установил К. Петерсон, отечественная Инструкция земским комиссарам была составлена на основе шведской Инструкции дистриктным управителям 1688 г. [Peterson, 1979, 268]. Что же касается Инструкции воеводам 1719 г., то в данном случае К. Петерсон не только установил ее шведский источник — Инструкцию ландсховдингам⁶ 1687 г., но и осуществил поставленный сопоставительный анализ шведской и российской Инструкций [Там же, 1979, 269—281]. Игнорирование соответствующих данных К. Петерсона лишило рецензируемую монографию, думается, существенного штриха, характеризующего умонастроения законодателя в начале проведения второй губернской реформы.

Наконец, стоит отметить и терминологическую неточность, допущенную Д. А. Рединым при обозрении положений Инструкции воеводам 1719 г., а именно утверждение о том, что воевода получил «право кассации по гражданским делам»

⁵ О подготовке закона от 19 декабря 1718 г. и о его значении для судебной реформы Петра I подробнее см.: [Серов, 2007].

⁶ Ландсховдингом (*landshövding*) в Швеции XVII—XVIII вв. именовался глава администрации провинции. Петр I употреблял этот термин в написании «ланцъвдингъ» [Законодательные акты, 1945, 63].

(222—223). В действительности по смыслу ст. 6 Инструкции [ПСЗ, 1830, 625] за воеводой закреплялось лишь право внесения надзорного протеста в надворный суд по гражданским делам. Заимствованная из Франции кассация (точнее, кассационный вид пересмотра судебных решений) появилась в отечественном судопроизводстве только по Судебным уставам 1864 г. [см.: Смирнов, 2002, 73]. В петровское же время в России применялись исключительно апелляционный и ревизионно-решающий виды пересмотра судебных решений.

Некоторый изъян выявляется и в характеристике Д. А. Рединым концепции камерализма (213—214). Здесь автор монографии упустил отметить, что названная концепция имела преимущественно прикладной характер, примыкая к более общей концепции «полицейского» государства (*Polizeistaat*), выработанной немецкой политической философией XVII в. Именно концепция «полицейского государства», исподволь, но прочно усвоенная Петром I, образовала политико-правовую основу преобразований, осуществленных в нашей стране в конце 1710-х — первой половине 1720-х гг.

Наиболее развернуто освещенная в оставшейся вне поля зрения Д. А. Редина работе М. Раева [2000] концепция «полицейского», или по российской терминологии XVIII в. «регулярного», государства определяла в качестве цели этого государства обеспечение подданным «общего блага» (*salus publica*). Достигнуть же «общего блага» можно было в том единственном случае, когда «полицейское государство», с одной стороны, всесторонне регламентировало жизнь подданных посредством издания «правильных» законов, а с другой — обеспечивало их неукоснительное исполнение.

Идеальный порядок, которому предстояло установиться при воплощении концепции на практике, наиболее ярко описал М. М. Богословский: «Подданный не только был обязан нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе как в жилище, построенном по указному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указных местах лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки» [Богословский, 1902, 12—13]. Именно такой порядок Петр I и замыслил утвердить на всем пространстве от Киева до Охотска и от Астрахани до Кольского острова.

Между тем, чтобы стать «полицейским», способным привести подданных к исковому всеобщему благоденствию, государство само должно было обрести строго определенное устройство. Теоретической основой для построения механизма «полицейского государства» и стала та самая концепция камерализма, принципы которой также хорошо усвоил первый российский император.

Для того чтобы лучше понять исходный замысел преобразований, осуществленных на Урале в первой половине 1720-х гг., к сведениям, приведенным в рецензируемой монографии, следует добавить, что, как убедительно показали К. Петерсон и Е. В. Анисимов [см.: Peterson, 1979, 65—70, 415—416; Анисимов, 1997, 107—108, 116], в середине 1710-х гг. Петр I принял стратегическое решение пре-

образовывать отечественный государственный аппарат не с нуля, а использовать для этой цели готовые иностранные образцы. Иными словами, в те годы царь взялся целенаправленно определять ту страну, государственное устройство и законодательство которой в наибольшей мере соответствовало бы как идеалу «полицейского государства» в целом, так и принципам камерализма в частности. Как известно, в итоге воплощением *Polizeistaat* Петр I счел Шведское королевство, отчего именно шведские образцы стали отправной точкой для выработки планов и коллежской, и судебной, и второй губернской реформ.

Переходя к вопросу о претворении идей камерализма в 1720-е гг. в государственном строительстве на Урале, необходимо сделать заявленную выше оговорку. Касается эта оговорка приводившегося ранее тезиса Д. А. Редина о сложившемся тогда в Уральском регионе «уникальном совпадении» камералистских принципов с потребностями практики, следствием чего явилась последующая «изумительная устойчивость» вертикали горно-заводского управления (314). Однако об «уникальном совпадении» здесь можно говорить, думается, лишь отчасти.

Дело в том, что камерализм, как уже говорилось, предполагал последовательную специализацию частей государственного механизма, что естественно подразумевало в том числе и системное (функциональное и организационное) обособление судебных органов от административных. Из выявленных же самим Д. А. Рединым интереснейших данных видно, что основатель уральской системы горно-заводского управления В. И. Геннин стремился упорно подчинить себе суды первого звена. Тем самым Вилим Геннин формировал модель управления не камералистскую, а совсем иную, которую точнее всего будет наименовать моделью «единого хозяина» территории (при которой местный орган власти обладает и административными, и судебными полномочиями).

Легко заметить, что эта модель являлась в российских условиях начала 1720-х гг. отнюдь не новаторской, а напротив, архаической, поскольку по этой модели строилась дореформенная система воеводского управления. Новизна в организации административного аппарата на Урале 1720-х гг. заключалась в том, что В. И. Геннин перенес принцип «единого хозяина» из области местного общего управления на область местного специального управления, а говоря точнее, на область управления территорией со значительным моноотраслевым промышленным комплексом. И этот-то перенос дал тот уникально конструктивный результат, на который справедливо указал Д. А. Редин.

Остается добавить, что отмеченную управленческую модель Вилим Геннин реализовал на Урале уже по «второму кругу», впервые отработав эту модель (правда, в более скромных масштабах) в бытность начальником Олонецких заводов. Именно на Олонце В. И. Геннин выступил поборником сосредоточения в руках заводского начальника всей полноты административно-судебных полномочий не только над работными людьми, но и над всем населением прилегающей территории в целях обеспечения эффективности промышленного производства. В этом отношении глубоко показательны обращения Вилима Геннина к Петру I в 1715 г. и в Юстиц-коллегию в 1721 г.

В 1715 г. Вилим Иванович воспротивился переводу посадских людей Олонца в подчинение бурмистрской избе, мотивировав это тем, что «ежели мне их [посадских людей] не ведать... то всеконечно будет в завоцких делах остановка» [цит. по: Глаголева, 1957, 197]. Типологически сходная ситуация повторилась спустя шесть лет, когда генерал-майор В. И. Геннин отказался принять назначенного на Олонец Юстиц-коллегией городского судью. В доньине не вводившемся в научный оборот доношении в Юстиц-коллегию от 18 августа 1721 г. Вилим Геннин категорически потребовал подчинить судью своей власти («чтоб он был... под моею командою и без моего б ведома ничего не делал»). Характерно, что в обоснование этого требования генерал не ограничился стандартным доводом о том, что в противном случае могут возникнуть «остановки» «во отправлении его царского величества завоцких дел», а высказал развернутые соображения о специфике общего управления территорией, на которой размещено крупное заводское производство [РГАДА, ф. 285, оп. 1, кн. 5945, л. 1—2].

И последнее дополнение, привести которое здесь представляется уместным. В монографии Д. А. Редина упомянут и о том, как в 1726 г. губернатор М. В. Долгоруков обратил внимание на низкий уровень грамотности канцелярских служащих дистриктных органов управления, горестно посетовав, что там работают люди «самые неумеющие» (458). Этот вполне ординарный эпизод приобретает, однако, особый колорит, если учесть, что князь Михаил Владимирович сам не владел грамотой. Как явствует из протокольной записи, на заседании Сената 5 февраля 1724 г., проходившего с участием Петра I, сенатор В. Л. Долгоруков сообщил, что незадолго до того назначенный сибирским губернатором Михаил Долгоруков «грамоте не умеет и для того просит, чтоб ему для подписки дел дать сына ево», на что последовало высочайшее соизволение [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 1935, л. 30].

Что хотелось бы сказать в заключение? Благодаря созданной Д. А. Рединым историографической голограмме можно констатировать, что тот административный порядок, который установился в начале 1720-х гг. на берегах Исети и Пышмы, слабо напоминал (особенно внутренне) послуживший образцом порядок, претворенный в жизнь на берегах Ботнического залива. Еще менее уральская административная явь той поры напоминала идеальные конструкции «полицейского государства», измышленные в XVII в. на берегах Рейна и Эльбы. С практикой *Polizeistaat* были никак не совместимы ни повальное взяточничество, каковое продолжало процветать и в «регулярно» устроенных конторах и канцеляриях, ни малограмотность губернатора, ни самоуправные выходки просвещенного и неподкупного генерал-майора Вилима Геннина.

В итоге принципы «полицейского государства» воплотились на Урале лишь в диковинных названиях чинов и должностей, в грудах мало кем прочтенных и еще менее кем в точности исполненных регламентов и инструкций да в негаданно глубоко вросшей в уральскую почву вертикали горно-заводского управления. С этим наследием регион вступил в XIX век, в котором на смену обветшавшим идеалам *Polizeistaat* пришли идеи теперь уже правового государства (*Rechtsstaat*). Но исто-

рию о том, как на уральской земле пытались утверждать принципы *Rechtsstaat*, еще только предстоит описать...

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

Анпилогов Г. Н. Сенат при Петре I // Ист. журн. 1941. № 4.

Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: Провинция, 1719—27 гг. М., 1902.

Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903, № 9.

Бородин С. В., Кудрявцев В. Н. О судебной власти в России // Государство и право. 2001. № 10.

Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957.

Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский. Т. 1. М; Л., 1945.

Комолов Н. А. Ландрихтеры Азовской губернии (1709—1719 гг.): состав и компетенция // Из истории Воронежского края: Сб. ст. Вып. 10. Воронеж, 2002.

Памятники русского права. Вып. 8 / Под ред. К. А. Софроненко. М., 1961.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 5.

Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726—1730 гг. Т. 3 / Под ред. Н. Ф. Дубровина // Сб. РИО. Т. 63. СПб., 1888.

Разделение властей: Учеб. пособие. 2-е изд. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2004.

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII вв.: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Пер. с англ. Самара, 2000.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711—1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

Серов Д. О. Подготовка судебной реформы Петра I: концепция, зарубежные образцы, законотворческий процесс // Lex Russica. 2007. № 5.

Смирнов А. В. Исторические формы уголовного процесса: Учеб. пособие. СПб., 2002.

Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003.

Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979 [Rättshistoriskt Bibliotek. Bd. 29].

Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd. 2. Göttingen, 1964.

Статья поступила в редакцию 17.10.1007 г.